

## СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ / SOCIAL PSYCHOLOGY

Научная статья / Research Article  
<https://doi.org/10.11621/npj.2024.0302>  
УДК/UDC 316.6

# Социальное познание и социальный контекст: новое прочтение научного наследия Г.М. Андреевой

Д.А. Хорошилов ✉

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация

✉ [d.khoroshilov@gmail.com](mailto:d.khoroshilov@gmail.com)

### Резюме

**Актуальность.** Актуальность теоретического исследования рецепции научного наследия Г.М. Андреевой в социальной психологии и смежных дисциплинах обусловлена возрастающим вниманием к психологии неопределенности и транзитивного общества, которое является результатом исторического процесса модернизации, понимаемого как кризисный переход от традиционного образа мышления и жизни к современному.

**Цель.** Цель статьи заключается в том, чтобы показать эвристичность идей, предложенных Г.М. Андреевой в современной психологии и обозначить новые направления исследования социального познания как процесса конструирования образа социального мира в ситуации социальных трансформаций.

**Выборка.** Проводится метаанализ теоретических и эмпирических исследований, опирающихся на подход Г.М. Андреевой; выборку составили представители различных социальных групп российского общества, что позволяет сделать выводы о структуре образа мира, конструируемого в обыденном и массовом сознании под воздействием радикальных социальных преобразований.

**Методы.** Используются методы исторической и психологической герменевтики и компаративистского анализа, а также комплекс методов качественных исследований.

**Результаты.** Раскрыты эпистемологические и концептуальные принципы научной школы социальной психологии Г.М. Андреевой, в центре которой находится проблематика социального познания. Выделены способы концептуализации социального контекста (жизненный мир, жизненное пространство, социальные институты) и единицы его описания и анализа (когнитивные, аффективные и поведенческие). Представленная в статье система категорий психологического анализа контекста (образ социального мира — коллективное переживание — копинг-стратегии) позволяет детально изучить феноменологию и механизмы социального познания в изменяющемся транзитивном обществе, а также задать направления дальнейших исследований темы.

**Выводы.** Доказана актуальность идей и научных прогнозов Г.М. Андреевой, которые получили эмпирическое подтверждение в современных междисциплинарных исследованиях и дают прочное теоретико-методологическое основание для психологического понимания и объяснения социальных изменений.

**Ключевые слова:** модернизация, социальные изменения, социальная психология, социальное познание, социальный контекст, принцип неопределенности

**Финансирование.** Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 22-18-00140, тема проекта «Динамическая устойчивость личности в пространстве социокультурной неопределенности».

**Для цитирования:** Хорошилов, Д.А. (2024). Социальное познание и социальный контекст: новое прочтение научного наследия Г.М. Андреевой. *Национальный психологический журнал*, 19(3), 20–30. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0302>

# Social Cognition and Social Context: a New Reading of the Scientific Heritage of G.M. Andreeva

Dmitry A. Khoroshilov ✉

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

✉ d.khoroshilov@gmail.com

## Abstract

**Background.** Studying the reception of the scientific heritage of G.M. Andreeva in social psychology and related disciplines is relevant due to the increasing attention to the psychology of uncertainty and transitive society. This attention is the result of the historical process of modernization, understood as a crisis transition from a traditional way of thinking and life to a modern one.

**Objective.** The purpose of the article is to show the heuristic nature of the ideas proposed by G.M. Andreeva in modern psychology as well as to identify new directions for the study of social cognition as a process of constructing an image of the social world in a situation of social transformations.

**Study Participants.** A meta-analysis of theoretical and empirical studies based on the approach of G.M. Andreeva is carried out. The sample was made up of representatives of various social groups of Russian society, which allows us to draw conclusions about the structure of the image of the world, constructed in everyday and mass consciousness under the influence of radical social transformations.

**Methods.** Methods of historical and psychological hermeneutics and comparative analysis are used, as well as a complex of qualitative research methods.

**Results.** The epistemological and conceptual principles of G.M. Andreeva's scientific school of social psychology are revealed. These principles focus on the problems of social cognition. The ways of conceptualizing the social context (life-world, life space, social institutions) and the units of its description and analysis (cognitive, affective and behavioral) are highlighted. The system of categories for psychological analysis of contexts presented in the article (image of the social world — collective emotions — coping strategies) allows us to study the phenomenology and mechanisms of social cognition in a changing transitive society, as well as to set directions for further research on the topic.

**Conclusions.** The relevance of the ideas and scientific forecasts of G.M. Andreeva has been proven. The ideas have received empirical confirmation in modern interdisciplinary research and provide a solid theoretical and methodological basis for the psychological understanding and explanation of social change.

**Keywords:** modernization, social change, social psychology, social cognition, social context, uncertainty principle

**Funding.** The study has been supported by Russian Science Foundation (RSF), project No. 22-18-00140, Dynamic stability of personality in the space of sociocultural uncertainty.

**For citation:** Khoroshilov, D.A. (2024). Social cognition and social context: a new reading of the scientific heritage of G.M. Andreeva. *National Psychological Journal*, 19(3), 20–30. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0302>

## Введение

### *Социальные изменения и социальный контекст в работах Г.М. Андреевой*

Несмотря на то обстоятельство, что категория социального изменения была введена в научный обиход в 1922 г. У. Огборном, идея о постоянной изменчивости социального является константной в истории философии от Гераклита (все движется и не остается на месте) до Г. Гегеля (считавшего изменение неотъемлемой характеристикой воплощения абсолютного духа, а также существования и исчезновения народов).

*Социальное изменение*, определяемое как переменна в базовых структурах организации общества, то есть в отношениях и группах, является постоянным явлением, но сегодня отличается особой интенсивностью и затрагивает все сферы жизни (Гидденс,

Саттон, 2018). Ускорение социальных изменений связано с процессом модернизации общества — перехода от традиционного образа жизни к современному; в исторической социологии убедительно показывается множественность локальных форм модернизаций (Травин, 2022).

Согласно формуле С. Хантингтона, модернизация порождает стабильность, но сам процесс модернизации порождает нестабильность вследствие острого конфликта традиции и современности, который становится источником социокультурной напряженности, что ярко проявилось в революционных событиях в России 1917 г. (Миронов, 2018; Фицпатрик, 2023). Результатом модернизации является новый текучий, жидкий мир, непредсказуемо изменяющийся очертания под воздействием даже незначительных событий и сил (Бауман, Донскис, 2019). Процессы

модернизации накладывают неминутый отпечаток на личность человека, который может испытывать разочарование в современности и ностальгировать по идеализированному прошлому, «золотому веку» традиционного устойчивого общества (Штомпка, 1996). Модернизация «запускает» социальные изменения, которые порождают кризисные эмоциональные состояния, но и стимулируют поиск конструктивных стратегий *ментального* овладения современностью (Асмолов, Гусельцева, 2015).

Казалось бы, Г.М. Андреева приступала к разработке дисциплинарной структуры социальной психологии в советскую эпоху с характерным для нее массовым убеждением (как покажут вскоре исторические события, — иллюзорным) в незыблемости и устойчивости социального порядка: «*Это было навсегда, пока не кончилось*» (Юрчак, 2014). Принимая приглашение А.Н. Леонтьева организовать кафедру социальной психологии в Московском университете, Г.М. Андреева фактически откликнулась на научный призыв «подойти к объяснению специфических особенностей индивидуального человека, его деятельности и психики со стороны анализа соотношения и связи этих особенностей с достижениями развития предшествующих поколений людей, общества» (Леонтьев, 1965, с. 354). Научно-исследовательские разработки основанной ею школы социальной психологии оказались, впрочем, эвристичными для анализа не только стабильного, но и *изменяющегося общества*.

Психология личности всегда должна анализироваться при предшествующем анализе *социального контекста* (Андреева, 1999а), который представляет собой систему малых и больших групп, складывающихся в конфигурацию институтов социализации. Оказываясь в лабиринте социальных групп и институтов, человек на протяжении своего жизненного пути вступает в смысловую сеть непрерывных коммуникаций и взаимодействий с другими людьми, усваивает определенные установки, ценности и роли, из которых он конструирует Я-концепцию и идентичность; классическая предметная структура социальной психологии: общение — группы — личность (Андреева, 1980, 2007). Проблема личности оказывается не начальным пунктом социальной психологии, а ее логическим завершением. Г.М. Андреева воплощает мысль А.Н. Леонтьева о том, что личность является внутренним моментом деятельности человека, которая включена в систему социальных отношений. В общении и совместной деятельности в *реальных* группах формируется личность человека.

Верность принципу контекстуальной обусловленности восприятия и действия, восходящему к хрестоматийным работам К. Левина, позволила Г.М. Андреевой приступить к активной «перестройке» социальной психологии (Андреева, 1988) в период перестройки политической, обернувшейся распадом СССР и радикальными трансформациями уже постсоветского, нового российского общества. В 1990-е гг. Г.М. Андреева совершает переход от изучения социальной

перцепции индивидов и групп к *психологии социального познания* (Андреева, 1999б). В зарубежной традиции исследования социального познания отвечают на вопрос о том, как люди понимают себя и других, строят картину ментальных состояний других людей («модель психического»), на основе которой интерпретируют намерения и прогнозируют поведение друг друга в различных социальных ситуациях (Сергиенко, 2021; Холмогорова, 2016; Fiske, Taylor, 2021). Способность к «чтению» психических состояний другого человека выступает главным механизмом группобразования и социализации.

Психология социального познания в работах Г.М. Андреевой не ограничивается межличностным восприятием и познанием людьми друг друга. Речь идет о том, как человек конструирует образ социального мира в обыденном и *массовом сознании*, категоризирует и интерпретирует социальную информацию (Андреева, 2005, 2012). Конструируемый образ мира предстает как социальная реальность, в которой люди взаимодействуют между собой и частично переделывают ее под себя. Г.М. Андреева объединяет положения деятельностного подхода А.Н. Леонтьева, когнитивной и нарративной психологии Дж. Брунера, социальной феноменологии А. Шюца, П. Бергера и Т. Лукмана, а также социального конструкционизма К. Гегена. Конструкция реальности не означает ее нереальности; социальная конструкция артикулирует или «высвечивает» характеристики окружающей реальности, значимые для субъекта (Лекторский, 2018). Эта позиция получила название *конструктивного реализма*.

В небольшой работе, написанной Г.М. Андреевой совместно с А.Н. Леонтьевым в далеком 1974 г. (Андреева, Леонтьев, 2018), выделяется три вида социальных изменений: 1) радикальные и революционные преобразования; 2) изменения конкретных областей общественной деятельности (социальных институтов); 3) изменения деятельности малых групп и входящих в них индивидов. Психологический фокус внимания ограничивается восприятием этих изменений и изучением способов адаптации к ним при стремлении сохранить позитивную самооценку. Данная концепция, тезисно обозначенная, остается ведущей и для позднего научного творчества Г.М. Андреевой, в котором обосновывается *принцип неопределенности* в познании социальных явлений.

Сегодня возникает новый критерий социального неравенства — не канонические для социальных наук доход, власть, образование и престиж, а адаптированность к изменениям или сопротивление им (Шваб, 2016), то есть принятие неопределенности, разнообразия и сложности или отвержение или упрощение изменяющейся реальности (Асмолов и др., 2020). Неопределенность становится характеристикой современного общества как общества *транзитивного*, которое все интенсивнее «раскачивается» между полюсами жестких (кризисных) и мягких (текучих) изменений, резких преобразований социальной

ситуации и эмоционального состояния человека и постепенных, но неуклонных трансформаций, которые в психологическом отношении переносятся на много болезненнее (Марцинковская, 2021). В дисциплинарном пространстве социальной психологии неопределенность определяется как *субъективное восприятие и переживание* социальных изменений, которое характеризуется множественностью, разнонаправленностью, непредсказуемостью и неконтролируемостью развития событий (Белинская, 2022). Принцип неопределенности стал за последние годы одним из ключевых для отечественной психологии.

Если уместно обратиться к размышлениям О.А. Седаковой, то можно утверждать, что принятие неопределенности в социальном познании закономерно приводит к тому, что «в такую переломную эпоху никто не знает, чего ждать и как себя вести. Это состояние можно назвать растерянностью. Чувствуется, что начинается или уже началась совсем другая эпоха, но куда она развернется — как представить?» (Седакова, 2019). Таким образом, требуется разработать *стратегии научной репрезентации* социального контекста, который выступает в роли «проводника» изменений для отдельного человека. В данном случае будет исполнена «миссия» социальной психологии как исторической науки об изменяющихся со временем фактах (К. Герген), науки о взаимодействии между изменением и личностным выбором (А. Тэшфел), эпистемологии современного общества (С. Московиси), а в терминах Г.М. Андреевой — социальная психология активно включится в диагностику и разрешение актуальных социальных проблем (Андреева, 2009).

### **Проблема концептуализации и локализации социального контекста**

Эпистемологический примат контекстуализма заключается в том, что любое явление может быть познано не исходя из самого себя, а в соотношении со своим окружением. В указанном отношении контекстуализм можно считать реализацией общепсихологического *принципа системности*. В психологии особое значение контекстуальной обусловленности познания и действия придавалось У. Джеймсом, К. Бюлером, Л.С. Выготским и, разумеется, К. Левином. Понятие контекста остается не до конца очевидным: любая контекстуализация есть локализация изучаемого явления в определенной реальности (Касавин, 2005).

Какие способы контекстуальной локализации социального познания выделить в рамках психологического исследования?

*Во-первых*, социальный контекст представляется с точки зрения философской и социальной феноменологии Э. Гуссерля и А. Шюца как *жизненный мир*, целостность опыта межличностного общения, которая может быть описана как интерсубъективно разделяемая система типических значений. «Изучение всеобщих принципов, в соответствии с которыми человек в повседневной жизни организует свой опыт,

и особенно опыт социального мира, является главной задачей методологии социальных наук» (Шюц, 2004, с. 61). Область социального познания с феноменологической точки зрения ограничивается контекстом повседневной жизни и ее «пристрастного» отражения в обыденном сознании.

*Во-вторых*, на уровне психологического исследования жизненный мир правомерно рассматривать как психологическое поле или жизненное пространство (Гришина, 2018), которое, согласно К. Левину, представляет собой динамическое взаимодействие личности и ситуации. Тем самым объединяется субъективная интерпретация ситуации и дальнейшее реальное действие в ней. От К. Левина начинается свой отсчет экспериментальная социальная психология, которая стремилась смоделировать условия возникновения и принятия людьми немецкого фашизма как воплощения «банальности зла» по знаменитой гипотезе Х. Арендт (Гилович, Росс, 2019; Хорошилов, 2022).

Параллельно теории К. Левина и экспериментальной социальной психологии идеи о ситуационной детерминации мышления и поведения человека разрабатывала в уникальных записках Л.Я. Гинзбург, которая опиралась на личный опыт выживания в Ленинградской блокаде: «Современное понимание — не человек, а ситуация. Пересечение биологических и социальных координат, из которого рождается поведение данного человека, его функционирование. Человек как функция этого пересечения» (Гинзбург, 2011, с. 294). В настоящее время предпринимается опыт осмысления идей Гинзбург в интеллектуальном контексте культурно-исторической психологии (Хорошилов, 2020). Я намеренно сейчас не касаюсь вопроса о соотношении социального и культурного контекста (Андреева, 2013б).

*В-третьих*, жизненным пространством или ситуацией практической деятельности выступает *социальная группа*. Напомним классическое определение малой группы согласно Г.М. Андреевой: общественные отношения выступают в форме непосредственных личных контактов. Не стоит интерпретировать данное определение как идеологически окрашенное советской теорией коллектива: группа может принимать или не принимать *деятельности, задаваемые обществом извне* (Андреева, 2011). Такие «внешние» по отношению к группе системы деятельностей задаются *социальными институтами* как агентами социализации, устанавливающими отношения между личностью и группой.

В психологии четко усвоена концепция экологических систем У. Бронфенбреннера, предполагающая выделение нескольких сфер влияния на процесс социализации личности: микроуровень — промежуточный уровень — макроуровень, который относится по своему содержанию к социальным институтам. В менее известной психологам институциональной теории институты предстают как ограничительные рамки взаимодействий между людьми, воспринимаемые независимо от индивидов и задающие

специфический когнитивный стиль и образ жизни (Аузан, 2017; Дуглас, 2020; Норт; 1997). Редко отмечается, что на кафедре социальной психологии МГУ учениками Г.М. Андреевой реализован уникальный подход к исследованию институциональной детерминации социального познания, опосредствуемого организационной культурой, политикой, экономикой, средствами массовой информации и так далее, что определяет содержание соответствующих направлений *практической социальной психологии*. Как человек познает социальный мир в этом хитросплетении организационных, политических, экономических и прочих отношениях, воплощаемых для него в неустанной работе социальных институтов, упорядочивающих повседневную жизнь?

Социальные изменения затрагивают прежде всего функционирование институтов как структурных образующих общества, которые утрачивают легитимный статус в глазах его участников. В процессе социализации учащаются случаи «сбоев» в межпоколенческой трансляции социально полезного знания, помогающего ориентироваться в обществе. Слом задаваемых институтами стереотипов, ценностей и моделей идентичностей оборачивается *социальной травмой* (П. Штомпка) и *культурным шоком* (К. Оберг) как психологическими формами дезориентации в изменяющемся социальном пространстве. Имеется и обратное воздействие: сложный и противоречивый комплекс массовых настроений и переживаний, установок, ценностей, образов и представлений, называемый *психологическим состоянием общества*, оказывает влияние на функционирование институтов, в частности, публичной политики (Шестопал, 2022). Так или иначе, анализ социального познания под воздействием трансформации институтов как форм репрезентации и локализации социального контекста требует разработки специального концептуального инструментария.

#### **В поисках психологических единиц описания и анализа социального контекста**

К. Левин сетовал, что в современной ему психологии нет понятий, которые могли бы зафиксировать динамическое взаимодействие личности и окружения. Психологическое поле являлось, в сущности, первым конструктом на пути разработки новых понятий такого плана. Сегодня предпринимаются интересные попытки выделить концептуальные единицы описания и анализа контекста: Н.В. Гришина (Гришина, 2023) разводит его *когнитивное измерение* («образ ситуации» по У. Томасу), *аффективное* (переживание как отношение личности и среды по Л.С. Выготскому) и *поведенческое*, что в логике Н.В. Гришиной уместнее обозначить скорее как *интенциональное* (целевая регуляция активности). Обратимся к этой удобной схеме для анализа структуры восприятия социального контекста.

В оригинальном тексте У. Томаса нет его знаменитой «теоремы», а есть случайный комментарий к кли-

ническому случаю; формула, согласно которой, если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны и по своим последствиям, приобретает известность после работ Р. Мертона о самоисполняющемся пророчестве. С точки зрения Г.М. Андреевой «теорема» У. Томаса согласуется с идеей о том, что образ мира формируется во взаимодействии человека и мира и вместе с тем опосредствует это взаимодействие.

Важнейшая функция образа социального мира заключается в ориентации в ситуации неопределенности, а с точки зрения структуры он представляет собой динамическое (в этом главное отличие от статичной картины или модели мира), нерелексивное и многослойное образование. В этих характеристиках Г.М. Андреева опирается на работы С.Д. Смирнова (Смирнов, 2016) и А.А. Леонтьева (Леонтьев, 2021), развивающие и уточняющие концепт образа мира. Кроме того, ею выделяются символические измерения или «элементы» образа социального мира, которые складываются в целостный образ общества: 1) *индивидуальное* (социальная идентичность); 2) *групповое* (социальные представления); 3) *пространственно-временное*, ассоциирующееся сегодня с исследованиями коллективной памяти, жизненных моделей, образа социального пространства, например, городской среды.

В одной из своих последних публикаций (Андреева, 2013а) Г.М. Андреева обращала внимание на возможность расхождения образа мира и реального мира (кстати, в настоящем допущении имеется существенное отклонение от классического подхода А.Н. Леонтьева, для которого образ всегда «вычерпывается» из объективной реальности). Провокационная гипотеза подтвердилась в исследованиях массового сознания российского общества 2010-х гг., констатирующих кризис понимания реальности в условиях стагнации и деградации постсоветских институтов (Гудков, 2022); ментальный диссонанс и дезинтеграцию как социальных представлений, так и коллективной памяти, сопровождаемые символическим уходом в идеализированное прошлое (Емельянова, 2016); поляризацию, расщепление и диффузию идентификационных структур личности (Соколова, 2015) и др.

Что касается *аффективного измерения* социального контекста, то Г.М. Андреева неоднократно подчеркивала значение эмоций и, в частности, настроения как мгновенной и быстрой оценки социальных событий, которая дополняет когнитивное конструирование образа мира. Эмоция выполняет функцию эвристики как принятия решения, что доказано в серии экспериментов Дж. Форгаса, ставших основой для модели «вливания аффекта» в социальное познание (*affect infusion model*). Он предостерегает от переоценки в культуре позитивных установок и хорошего настроения, в котором более вероятны когнитивные ошибки и искажения, в частности, фундаментальная ошибка атрибуции (Forgas, 2013).

В указанном отношении Дж. Форгас сходитя с критической позицией Е. Иллуз. Е. Иллуз анализирует позитивный дискурс, привнесенный в массовое сознание терапевтическими практиками гуманистической и позитивной психологии, которые конструируют особый тип субъективности не обычных граждан, а «психождан», «для которых погоня за счастьем стала второй натурой, так как они верят, что их полная функциональность и ценность как личностей тесно связаны с их постоянной самооптимизацией с помощью психологических средств» (Иллуз, Кабанас, 2023, с. 206). Дискурс позитива несет угрозы эгоцентрического замыкания на собственной индивидуальности и размыванию социальных отношений.

В отечественной психологии для анализа эмоционального фактора в формировании образа социального мира используется категория не индивидуального (как традиционно у Л.С. Выготского, Б.М. Теплова и Ф.Е. Василюка), а *коллективного переживания* (вслед за Г. Шпетом). Восстановлению в научных правах понятия коллективного переживания во многом способствовала Т.Г. Стефаненко. Коллективное переживание не только фиксирует эмоционально-типическое отношение членов группы к продуктам общества и культуры, но и выполняет функцию ментального освоения социальных изменений, которое сопряжено с их мгновенной эмоциональной оценкой, что является развитием идей Дж. Форгаса об эмоции как эвристике — не на индивидуальном уровне анализе общества, а на групповом (Липатов, Стефаненко, 2015). Иными словами, коллективное переживание выступает аффективно-когнитивным механизмом конструирования образа изменяющегося мира.

В наших исследованиях описан специфический тип коллективных переживаний, характерных для массового сознания современного российского общества, — *прекарность*, которая определяется как хрупкость, незащищенность, уязвимость и неуверенность перед лицом социальных изменений (Хорошилов, 2022). Переживание прекарности, исходя из наших данных, разделяется представителями различных групп, и часто вне зависимости от их положения в социально-статусной иерархии. Психологическую структуру прекарного габитуса составляет резкое сокращение временной перспективы и горизонта планирования, а также нередуцируемая «хроническая» тревога, пронизывающая массовое сознание.

Если для родоначальника этого понятия П. Бурдьё прекарность означает отсутствие экономических гарантий и выступает критерием нового социального класса прекариата (линия продолжается в работах Г. Стэндинга и Дж. Батлера), то мы взяли на себя смелость реконцептуализировать прекарность как эмоциональное состояние, разделяемое членами больших социальных групп и выступающее фактором конструирования образа мира как несправедливого, опасного и конкурентного, но при этом мотивирую-

щее к гражданской солидарности и организации общественных движений.

Поведенческой единицей анализа социального контекста, на наш взгляд, выступают *копинг-стратегии* как особые формы социального поведения, позволяющие справиться со стрессовыми ситуациями (Крюкова, 2013). Объем статьи не позволяет подробнее раскрыть проблему совладания, отметим только, что привычные (выделяемые в психологии) копинги в неопределенности могут вообще перестать работать, и индивиды начинают изобретать их самостоятельно из текущего опыта. Анализ социального познания и социального контекста с применением концептуальных единиц образа мира, коллективного переживания, копинг-стратегий раскрывают, таким образом, многовариантные и сложные формы преадаптации и адаптации человека к ситуации неопределенности.

### **Новые факторы конструирования образа социального мира**

«Неописуемые (не поддающиеся описанию) ситуации можно назвать и ситуациями принципиальной неопределенности. При обособлении и реализации этого свойства в чистом виде они как раз и являются теми «черными дырами», в которые могут попадать целые народы и обширные области человеческой жизни», — проницательно предупреждал М.К. Мамардашвили (Мамардашвили, 1992, с. 109). Не оказалось ли социальное познание в подобной ловушке «черной дыры» принципиальной неопределенности, о чем косвенно свидетельствуют приведенные ранее результаты исследований о невозможности построить внутренне согласованный образ мира, который мог бы объяснить для обыденного сознания непрерывные и находящиеся волнами друг на друга социальные изменения?

В недавнем историческом бестселлере Ш. Фицпатрик убедительно демонстрирует, что важнейшим фактором нарастания социальной неопределенности и шока от социальных изменений после распада СССР был не столько кризис политической власти и очевидные экономические проблемы, а сколько травматичная для массового сознания неспособность спрогнозировать и оправдать неожиданный, фактически случайный крах старого режима логикой истории (вопреки Гегелю и марксизму); для постсоветского, нового российского общества неизвестным и пугающим стало не только его будущее, но и собственное прошлое (Фицпатрик, 2023).

Сказанное предполагает, что исследования социального познания должны быть явно расширены и усовершенствованы за счет включения ряда междисциплинарных трендов, усложняющих привычную проблематику процесса конструирования образа мира, который опосредствуется следующими дополнительными факторами: 1) *глубинной медиатизацией* реальности; 2) актуализацией *архаических практик* риска и принятия решений вследствие невозможности прогнозирования в неопределенности;

3) *индивидуализацией общества* как стратегией обособления и психологической защиты от социальных проблем.

*Во-первых*, социальные изменения тесно связаны с повсеместным распространением средств массовой информации и глубинной медиатизацией реальности (Couldry, Hepp, 2017): новые медиа не транслируют информацию, а направляют внимание и общественное мнение; отныне мы лишены «непосредственного» способа восприятия реальности, которая изначально означается, «препарируется» массмедиа. Поэтому представляется уместным дополнить подход Г.М. Андреевой исследованием медиаконструирования образа мира, в котором задействованы такие специфические механизмы формирования *предвзятости* общественного восприятия и мнения, как установление повестки дня, фрейминг и прайминг (Кастельс, 2017). Медиаобраз социального мира становится *симулякром* (в терминологии Ж. Бодрийяра), семантически пустым образом без соотнесения с исходным подлинником, о чем упоминалось при обсуждении поздних размышлений Г.М. Андреевой о возможности расхождении образа и реальности под влиянием социальных изменений. Один из опасных социально-психологических эффектов медиатизации — диффузия границ между частным и публичным пространствами, которая делает человека уязвимым перед неконтролируемыми потоками вербальной и визуальной информации (Хорошилов, 2022).

*Во-вторых*, общая эпистемологическая ситуация характеризуется *невозможностью прогнозирования*. Прогнозирование традиционно считалось важнейшей характеристикой научного исследования и человеческого разума. В полемике Н. Талеба с Д. Канеманом, привлечшей внимание мировой аудитории, постулируется невозможность использования прошлого опыта для принятия решений в принципиальной неопределенности: «Миром движет аномальное, неизвестное и маловероятное (маловероятное с нашей нынешней, непросвещенной точки зрения); а мы при этом проводим время в пустых светских беседах, сосредоточившись на известном и повторяющемся» (Талеб, 2020, с. 30). Невозможность прогнозирования усугубляется также параллельным кризисом воспроизводимости данных в социогуманитарных науках и в психологии, связанным, помимо прочего, с разоблачением недостоверных исследований, среди которых называется и эксперимент Ф. Зимбардо (Ричи, 2024); об интерпретации экспериментальной фальсификации Ф. Зимбардо как перформанса, не снижающего ценности полученных данных (Хорошилов, 2022).

Одна из закономерных реакций массового сознания на такое положение вещей — актуализация *архаически-мифологических практик* принятия решений, которые приводят к тому, что наше время

называется «новой магической эпохой» повторного околдовывания мира (вопреки прогнозу М. Вебера) и даже «Ренессансом» магического мышления (Ионин, 2005). Пристального внимания заслуживает анализ различных оккультных и эзотерических учений, которые объединяются с элементами науки и массовой культуры и становятся современным стилем мышления, а не просто манифестацией первобытной мифологической и магической ментальности (Носачев, 2024). На данное обстоятельство обращал внимание С. Московиси в плане взаимодействия обыденного и научного знания.

Здесь возникает множество вопросов. Какие архаические элементы включаются в образ социального мира; как именно они интегрируются с научно-популярными идеями в век высоких технологий и медиатизации повседневности; в чем заключается возрастающая привлекательность магических ритуалов и гадательных практик в сравнении, например, с научно обоснованными и доказательными техниками консультирования и психотерапии, которые, возможно, «пропускают» значимые потребности и запросы рядового человека при принятии жизненных решений в неопределенности?

*В-третьих*, неоднократно отмечается нарастание тенденций к индивидуализации (У. Бек), атомизации (Х. Арендт) и сингуляризации общества (А. Реквиц), что представляет опасность коррозии самой ткани социальных отношений. Индивиды сосредотачиваются на медийных идеалах профессионального успеха, бесконечного личностного саморазвития и самореализации, подчас игнорируя тревожащие события социального контекста. Не менее важно, что социальные проблемы также подчиняются этой логике индивидуализации, и их причины приписываются не контексту и несправедливому устройству общества, а самому человеку, на которого всецело возлагается вина и ответственность за социальные неудачи (Бринкман, 2017). Формируется общество усталости и выгорания, которое оказывается не в состоянии ответить на вызовы современности (Хан, 2023).

К сожалению, значительный вклад в этот процесс своеобразного эгоцентрического замыкания в границах частной жизни вносит психотерапевтический дискурс с характерным для него акцентом на эмоциональном, внутреннем и субъективном; следует отметить, что академическая психология развивалась скорее по заданной К. Левином линии экспликации взаимодействия человека и среды, а не индивидуализации абстрактного субъекта, одиноко познающего мир (Хорошилов, 2023). Предельная индивидуализация общества проявляется уже в клинико-психологических феноменах нарциссизма, фальшивой личности и отказа от социальных интересов, как отмечала А.Б. Холмогорова в докладе на Санкт-Петербургском саммите психологов в 2021 г.

## Заклучение

### *Научное наследие Г.М. Андреевой как интеллектуальное средство совладания с ситуацией социальной неопределенности*

Таким образом, социально-психологические идеи Г.М. Андреевой реализовались в современных исследованиях и получили новое звучание в широкой междисциплинарной панораме научного знания. Социальная психология всегда отличалась, во-первых, высокой чувствительностью к историческим событиям, во-вторых, продуктивным взаимодействием с другими науками, оставаясь самостоятельной психологической дисциплиной и по своему предметному содержанию, и по исследовательским подходам. Г.М. Андреева научила нас понимать и объяснять переломное время с опорой на лучшие интеллектуальные традиции мировой и отечественной психологии,

приоритетом для которой был и остается *реальный человек в реальном контексте*.

Позволю себе закончить статью словами великого представителя того же поколения 1920-х гг., к которому принадлежала и Галина Михайловна, — Иоанна Павла II: «*Мы не можем бежать в другое измерение, презрев нашу эпоху, закрывая глаза и сердца от того страдания, что наполняет жизнь*» (Иоанн Павел II, 2004, с. 63). Хочется верить, что школа социальной психологии Г.М. Андреевой даст возможность ее многочисленным ученикам и последователям не только увидеть глубинный смысл нашей эпохи, но и найти стратегии деятельного преобразования последней социально этике гуманизма и идеалу милосердия к человеку, который в психологии социального познания 1970-х гг. считался когнитивным лентяем (cognitive miser), а в первой четверти XXI века стал активированным контекстом деятелем (activated actor) (Fiske, Taylor, 2021), созидателем или разрушителем мира.

## Список литературы

- Андреева, Г.М. (1980). Социальная психология. Москва: Изд-во Московского ун-та.
- Андреева, Г.М. (1988). Актуальные проблемы социальной психологии. Изд-во Московского ун-та.
- Андреева, Г.М. (1999а). А.Н. Леонтьев: Личность, сознание, деятельность. *Мир психологии*, (1), 4–11.
- Андреева, Г.М. (1999б). Социальное познание: проблемы и перспективы. Москва: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во «НПО МОДЭК».
- Андреева, Г.М. (2005). Психология социального познания. Москва: Изд-во «Аспект Пресс».
- Андреева, Г.М. (2007). Становление социально-психологической традиции на факультете психологии. В кн.: Психология в Московском университете: 1755–2005. Под ред. А.Н. Ждан. Москва: Изд-во Московского ун-та.
- Андреева, Г.М. (2009). Социальная психология сегодня: поиски и размышления. Москва: Изд-во «НОУ ВПО МПСИ».
- Андреева, Г.М. (2011). Ролевой репертуар руководителя в условиях социальных трансформаций. *Социальная психология и общество*, 2(4), 5–14.
- Андреева, Г.М. (2012). Идеи Грушина развиваются сегодня в самых различных областях общественных наук. В кн.: Открывая Грушина. Т. 3. Москва: Изд-во Московского ун-та.
- Андреева, Г.М. (2013а). Образ мира и/или реальный мир? *Вопросы психологии*, (3), 33–43.
- Андреева, Г.М. (2013б). Социальная психология в пространстве современной науки и культуры. *Психологические исследования*, 6(30). URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/677> (дата обращения: 20.03.2024).
- Андреева, Г.М., Леонтьев, А.Н. (2018). Методические проблемы исследования психологических аспектов социальных изменений. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 15(4), 646–654.
- Асмолов, А.Г., Гусельцева, М.С. (2015). Образование как потенциальный ресурс модернизации общества. *Образовательная политика*, (2), 2–19.
- Асмолов, А.Г., Шехтер, Е.Д., Черноризов, А.М. (2018). Преадаптация к неопределенности: непредсказуемые маршруты эволюции. Москва: Изд-во «Акрополь».
- Аузан, А.А. (2017). Экономика всего: как институты определяют нашу жизнь. Москва: Изд-во «МИФ».
- Бауман, З., Донскис, Л. (2019). Текущее зло: жизнь в мире, где нет альтернатив. Санкт-Петербург: Изд-во Ивана Лимбаха.
- Белинская, Е.П. (2022). Совладание с трудностями в эпоху неопределенности и глобальных рисков: основные исследовательские тренды. *Вестник Кемеровского государственного университета*, 24(6), 760–771.
- Бринкман, С. (2017). *Конец эпохи self-help: как перестать себя совершенствовать*. Москва: Изд-во «Альпина Паблишер».
- Гидденс, Э., Саттон, Ф. (2018). Основные понятия социологии. Москва: Изд-во Высшей школы экономики.
- Гилович, Т., Росс, Л. (2019). Наука мудрости: как обратить себе на пользу важнейшие открытия социальной психологии. Москва: Изд-во «Individuum».
- Гинзбург, Л.Я. (2011). Проходящие характеры: проза военных лет. Записки блокадного человека. Москва: «Новое издательство».
- Гришина, Н.В. (2018). Экзистенциальная психология. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ.
- Гришина, Н.В. (2023). Целевая регуляция поведения человека. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*, 13(3), 310–323.
- Гудков, Л.Д. (2022). Возвратный тоталитаризм. Москва: Изд-во «НЛО».
- Дуглас, М. (2020). Как мыслят институты. Москва: Изд-во «Элементарные формы».
- Емельянова, Т.П. (2016). Социальные представления: история, теория и эмпирические исследования. Москва: Изд-во Института психологии РАН.

- Иллуз, Е. Кабанас, Э. (2023). Фабрика счастливых граждан: как индустрия счастья контролирует нашу жизнь. Москва: Изд-во «Лед».
- Иоанн Павел II. (2004). Идите с миром: дар бессмертной любви. Москва: Изд-во «София».
- Ионин, Л.Г. (2005). Новая магическая эпоха. *Логос*, 2(47), 156–173.
- Касавин, И.Т. (2005). Контекстуализм как методологическая программа. *Эпистемология и философия науки*, 6(4), 5–17.
- Кастельс, М. (2017). Власть коммуникации. Москва: Изд-во Высшей школы экономики.
- Крюкова, Т.Л. (2013). Психология совладающего поведения: современное состояние и психологические, социокультурные перспективы. *Вестник КГУ имени Н.А. Некрасова*, (5), 184–188.
- Лекторский, В.А. (2018). Конструктивный реализм как современная форма эпистемологического реализма. *Философия науки и техники*, 23(2), 18–22.
- Леонтьев, А.А. (2021). Методологические основы психологии. Москва: Изд-во «Смысл».
- Леонтьев, А.Н. (1965). Проблемы развития психики. Москва: Изд-во «Мысль».
- Липатов, С.А., Стефаненко, Т.Г. (2015). Категории переживания, коллективных переживаний, коллективных эмоций: сравнительный анализ подходов. В кн.: Коллективные переживания социальных проблем: коллективная монография. Под ред. Т.Г. Стефаненко, С.А. Липатова. (С. 8–20). Москва: Изд-во «Смысл».
- Мамардашвили, М.К. (1992). Как я понимаю философию. Москва: Изд-во «Прогресс, Культура».
- Марцинковская, Т.Д. (2021). Новая методология исследования транзитивности жизненного пространства изменяющейся личности. *Новые психологические исследования*, (2), 31–45.
- Мионов, Б.Н. (2019). Российская модернизация и революция. Санкт-Петербург: Изд-во «Дмитрий Буланин».
- Норт, Д. (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. Москва: Изд-во «Фонд экономический книги Начала».
- Носачев, П.Г. (2024). Очарование тайны: эзотеризм и массовая культура. Москва: Изд-во «НЛО».
- Ричи, С. (2024). Научнообразная чувшь: разоблачение мошенничества, предвзятости, недобросовестности и хайпа в науке. Москва: Изд-во «Согрус».
- Седакова, О.А. (2019). Реставрация порождает только призраков. URL: <https://polka.academy/materials/659> (дата обращения: 20.03.2024).
- Сергиенко, Е.А. (2021). Психическое развитие с позиций системно-субъектного подхода. Москва: Изд-во Института психологии РАН.
- Смирнов, С.Д. (2016). Прогностическая направленность образа мира как основа динамического контроля неопределенности. *Психологический журнал*, 37(5), 5–13.
- Соколова, Е.Т. (2015). Клиническая психология утраты Я. Москва: Изд-во «Смысл».
- Талей, Н. (2020). Черный лебедь: под знаком непредсказуемости. Санкт-Петербург: Изд-во «Азбука-Аттикус».
- Травин, Д.Я. (2022). Как государство богатеет: путеводитель по исторической социологии. Москва: Изд-во Института Егора Гайдара.
- Фицпатрик, Ш. (2023). Кратчайшая история Советского союза. Москва: Изд-во «Альпина нон-фикшн».
- Хан, Б.-Ч. (2023). Общество усталости: негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива. Москва: Изд-во «Лед».
- Холмогорова, А.Б. (ред.). (2016). Социальное познание как высшая психическая функция и его развитие в онтогенезе. Москва: Изд-во «НЕОЛИТ».
- Хорошилов, Д.А. (2020). Блокада человека: поиск психологической концепции личности в записках Л.Я. Гинзбург и О.М. Фрейденаберг. В кн.: Жизненное пространство в психологии: теория и феноменология. Под ред. Н.В. Гришиной, С.Н. Костроминой. (С. 149–181). Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ.
- Хорошилов, Д.А. (2022). Психология социального познания в изменяющемся обществе. Москва: Изд-во «Акрополь».
- Хорошилов, Д.А. (2022). Социальные институты и проблема зла в психологии. *Новые психологические исследования*, (4), 73–89.
- Хорошилов, Д.А. (2023). Индивидуализация и психологизация современного общества как факторы ослабления социальных связей. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*, 13(4), 447–461.
- Шваб, К. (2016). Четвертая промышленная революция. Москва: Изд-во «Эксмо».
- Шестопал, Е.Б. (2022). Влияние психологического состояния российского общества на публичную политику. *Политическая наука*, (3), 181–203.
- Штомпка, П. (1996). Социология социальных изменений. Москва: Изд-во «Аспект Пресс».
- Шюц, А. (2004). Избранное: мир, светящийся смыслом. Москва: Изд-во «Российская политическая энциклопедия».
- Юрчак, А.В. (2014). Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение. Москва: Изд-во «НЛО».
- Couldry, N., Hepp, A. (2017). The mediated construction of reality. Cambridge: Polity Press.
- Fiske, S.T., Taylor, S.E. (2021). Social cognition: from brains to culture. London: Sage Publ.
- Forgas, J. (2013). Don't worry, be sad! On the cognitive, motivational, and interpersonal benefits of negative mood. *Current directions in psychological science*, 22(3), 225–232.

## References

- Andreeva, G.M. (1980). Social psychology. Moscow: Moscow Univ. Press. (In Russ.)
- Andreeva, G.M. (1988). Current problems of social psychology. Moscow: Moscow Univ. Press. (In Russ.)
- Andreeva, G.M. (1999a). A.N. Leontiev: Personality, Consciousness, Activity. *Mir Psikhologii = World of Psychology*, (1), 4–11. (In Russ.)
- Andreeva, G.M. (1999b). Social cognition: problems and prospects. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute Publ; Voronezh: NPO MODEK Publ. (In Russ.)
- Andreeva, G.M. (2005). Psychology of social cognition. Moscow: Aspekt Publ. (In Russ.)
- Andreeva, G.M. (2007). Formation of socio-psychological tradition at the Faculty of Psychology. In the Psychology at Moscow University: 1755–2005. Moscow: Moscow Univ. Press. (In Russ.)

- Andreeva, G.M. (2009). Social psychology today: searches and reflections. Moscow: NOU VPO MSSSI Publ. (In Russ.)
- Andreeva, G.M. (2011). Role Repertoire of a Leader in Conditions of Social Transformations. *Sotsial'naya Psikhologiya i Obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2(4), 5–14. (In Russ.)
- Andreeva, G.M. (2012). Grushin's ideas are developing today in a variety of areas of social sciences. In: Opening Grushin. Vol. 3. (pp. 49–56). Moscow: Moscow Univ. Press. (In Russ.)
- Andreeva, G.M. (2013a). Image of the world and/or real world? *Voprosy Psikhologii*, (3), 33–43. (In Russ.)
- Andreeva, G.M. (2013b). Social Psychology in the Space of Modern Science and Culture. *Psikhologicheskie Issledovaniya = Psychological Research*, 6(30). URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/677> (accessed: 03/20/2024). (In Russ.)
- Andreeva, G.M., Leontiev, A.N. (2018). Methodological Problems in Studying the Psychological Aspects of Social Change. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei Shkoly Ekonomiki = Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 15(4), 646–654. (In Russ.)
- Asmolov, A.G., Guseltseva, M.S. (2015). Education as a Potential Resource for Modernizing Society. *Obrazovatel'naya Politika = Educational Policy*, (2), 2–19. (In Russ.)
- Asmolov, A.G., Shekhter, E.D., Chernorizov, A.M. (2018). Preadaptation to uncertainty: unpredictable evolutionary routes. Moscow: Acropolis Publ. (In Russ.)
- Auzan A.A. (2017). The economics of everything: how institutions shape our lives. Moscow: MIF Publ. (In Russ.)
- Bauman, Z., Donskis, L. (2019). Fluid evil: life in a world where there are no alternatives. St. Petersburg: Ivan Limbakh Publ. (In Russ.)
- Belinskaya, E.P. (2022). Coping with Difficulties in an Era of Uncertainty and Global Risks: Main Research Trends. *Vestnik Kemerovskogo Gosudarstvennogo Universiteta = Bulletin of Kemerovo State University*, 24(6), 760–771. (In Russ.)
- Brinkman, S. (2017). The end of the era of self-help: how to stop improving yourself. Moscow: Alpina Publ. (In Russ.)
- Castells, M. (2017). The power of communication. Moscow: High School of Economics Publ. (In Russ.)
- Couldry, N., Hepp, A. (2017). The mediated construction of reality. Cambridge: Polity Press.
- Douglas, M. (2020). How institutions think. Moscow: Elementary forms Publ. (In Russ.)
- Emelyanova, T.P. (2016). Social Representations: History, Theory, and Empirical Research. Moscow: Institute of psychology of RAS Publ. (In Russ.)
- Fiske, S.T., Taylor, S.E. (2021). Social cognition: from brains to culture. London: Sage Publ.
- Fitzpatrick, S. (2023). A short history of the Soviet Union. Moscow: Alpina non-fiction Publ. (In Russ.)
- Forgas, J. (2013). Don't worry, be sad! On the cognitive, motivational, and interpersonal benefits of negative mood. *Current directions in psychological science*, 22(3), 225–232.
- Giddens, E., Sutton, F. (2018). Basic concepts of sociology. Moscow: High School of Economics Publ. (In Russ.)
- Gilovich, T., Ross, L. (2019). The science of wisdom: how to benefit from the most important discoveries of social psychology. Moscow: Individuum Publ. (In Russ.)
- Ginzburg, L.Ya. (2011). Passing characters: prose of the war years. Notes of a besieged man. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ. (In Russ.)
- Grishina, N.V. (2018). Existential psychology. St. Petersburg: SPbGU Publ. (In Russ.)
- Grishina, N.V. (2023). Target Regulation of Human Behavior. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Psikhologiya = Bulletin of St. Petersburg University. Psychology*, 13(3), 310–323. (In Russ.)
- Gudkov, L.D. (2022). Reverse totalitarianism. Moscow: NLO Publ. (In Russ.)
- Han, B.-C. (2023). The fatigue society: negative experiences in an age of excessive positivity. Moscow: Led Publ. (In Russ.)
- Illouz, E., Cabanas, (2023). Factory of happy citizens: how the happiness industry controls our lives. Moscow: Led Publ. (In Russ.)
- Ionin, L.G. (2005). A new magical era. *Logos*, 2(47), 156–173. (In Russ.)
- John Paul II. (2004). Go in peace: the gift of undying love. Moscow: Sofiya Publ. (In Russ.)
- Kasavin, I.T. (2005). Contextualism as a methodological program. *Epistemologiya i Filosofiya Nauki = Epistemology and Philosophy of Science*, 6(4), 5–17. (In Russ.)
- Kholmogorova, A.B. (2016). Social cognition as a higher mental function and its development in ontogenesis. Moscow: NEOLIT Publ. (In Russ.)
- Khoroshilov, D.A. (2020). Human blockade: search for the psychological concept of personality in the notes of L.Ya. Ginzburg and O.M. Freudenberg. In: Living space in psychology: theory and phenomenology. (pp. 149–181). St. Petersburg: SPbGU Publ. (In Russ.)
- Khoroshilov, D.A. (2022). Psychology of social cognition in a changing society. Moscow: Acropolis Publ. (In Russ.)
- Khoroshilov, D.A. (2022). Social Institutions and the Problem of Evil in Psychology. *Novye Psikhologicheskie Issledovaniya = New Psychological Research*, (4), 73–89. (In Russ.)
- Khoroshilov, D.A. (2023). Individualization and Psychologization of Modern Society as Factors in the Weakening of Social Ties. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Psikhologiya = Bulletin of St. Petersburg University. Psychology*, 13(4), 447–461. (In Russ.)
- Kryukova, T.L. (2013). Psychology of Coping Behavior: Current State and Psychological, Sociocultural Perspectives. *Vestnik KGU Imeni N.A. Nekrasova = Bulletin of KSU Named after N.A. Nekrasova*, (5), 184–188. (In Russ.)
- Lektorsky, V.A. (2018). Constructive Realism as a Modern Form of Epistemological Realism. *Filosofiya Nauki i Tekhniki = Philosophy of Science and Technology*, 23(2), 18–22. (In Russ.)
- Leontyev, A.A. (2021). Methodological foundations of psychology. Moscow: Smysl Publ. (In Russ.)
- Leontyev, A.N. (1965). Problems of mental development. Moscow: Mysl' Publ. (In Russ.)
- Lipatov, S.A., Stefanenko, T.G. (2015). Categories of experience, collective experiences, collective emotions: a comparative analysis of approaches. In: Collective experiences of social problems: a collective monograph. (pp. 8–20). Moscow: Smysl Publ. (In Russ.)
- Mamardashvili, M.K. (1992). How do I understand philosophy? Moscow: Progress, Kul'tura Publ. (In Russ.)
- Martsinkovskaya, T.D. (2021). A New Methodology for Studying the Transitivity of the Living Space of a Changing Personality. *Novye Psikhologicheskie Issledovaniya = New Psychological Research*, (2), 31–45. (In Russ.)
- Mironov, B.N. (2019). Russian modernization and revolution. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ. (In Russ.)
- North, D. (1997). Institutions, institutional change and economic performance. Moscow: Fond ekonomicheskii knigi Nachala Publ. (In Russ.)

- Nosachev, P.G. (2024). The charm of mystery: esotericism and popular culture. Moscow: NLO Publ. (In Russ.)
- Ritchie, S. (2024). Science fictions: Exposing fraud, bias, negligence and hype in science. Moscow: Corpus Publ. (In Russ.)
- Schutz, A. (2004). Favorites: a world glowing with meaning. Moscow: Russian politic encyclopedia Publ. (In Russ.)
- Schwab, K. (2016). The fourth industrial revolution. Moscow: Eksmo Publ. (In Russ.)
- Sedakova, O.A. (2019). Restoration only creates ghosts. URL: <https://polka.academy/materials/659> (access date: 03.20.2024). (In Russ.)
- Sergienko, E.A. (2021). Mental development from the standpoint of the system-subject approach. Moscow: Institute of psychology of RAS Publ. (In Russ.)
- Shestopal, E.B. (2022). The Influence of the Psychological State of Russian Society on Public Policy. *Politicheskaya Nauka = Political Science*, (3), 181–203. (In Russ.)
- Smirnov, S.D. (2016). Predictive Orientation of the Image of the World as the Basis for Dynamic Control of Uncertainty. *Psikhologicheskii Zhurnal = Psychological Journal*, 37(5), 5–13. (In Russ.)
- Sokolova, E.T. (2015). Clinical psychology of loss of the Self. Moscow: Smysl Publ. (In Russ.)
- Sztompka, P. (1996). Sociology of social change. Moscow: Aspekt Publ. (In Russ.)
- Taleb, N. (2020). Black Swan: under the sign of unpredictability. St. Petersburg: Azbuka Publ. (In Russ.)
- Travin, D.Ya. (2022). How a State Gets Rich: A Guide to Historical Sociology. Moscow: Instituta Egora Gaidara Publ. (In Russ.)
- Yurchak, A.V. (2014). It was forever until it was over: the last Soviet generation. Moscow: NLO Publ. (In Russ.)

## ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ /ABOUT THE AUTHOR



**Дмитрий Александрович Хорошилов**, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной психологии Института психологии им. Л.С. Выготского Российского Государственного Гуманитарного Университета, Москва, Российская Федерация, [d.khoroshilov@gmail.com](mailto:d.khoroshilov@gmail.com), <https://orcid.org/0000-0003-4688-1934>

**Dmitry A. Khoroshilov**, Dr. Sci. (Psychology), Professor, Head of the Department of Social Psychology of the Vygotsky, Institute of Psychology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation, [d.khoroshilov@gmail.com](mailto:d.khoroshilov@gmail.com), <https://orcid.org/0000-0003-4688-1934>

Поступила: 16.05.2024; получена после доработки: 12.06.2024; принята в печать: 16.08.2024.

Received: 16.05.2024; revised: 12.06.2024; accepted: 16.08.2024.